PG
3361
S3708

ОСЕНЬ

1830 ГОДА.

МОСКВА.

1831.

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

ОСЕНЬ

1830 года.

Shatrov, Nikolaĭ Mikhaĭlovich
Osen' 1830 goda

ОСЕНЬ

1830 ГОДА.

ЛИРИКО-ИСТОРИЧЕСКОЕ

ПѢСНОПѢНІЕ СЛѢПАГО.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1831.

PG3361
.S37O8

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи до выпуска изъ типографіи представлено было въ Цензурный Комитетъ три экземпляра сей книги. Марта 25го дня, 1831 года.

Московская Духовная Академія.
Профессоръ Философіи, Протоіерей Ѳедоръ Голубинскій.

25-22-

СЕНТЯБРЬ.

Не пировъ роскошныхъ сладость,
Прелесть душъ, восторгъ сердецъ,
Не торжествъ народныхъ радость
Здѣсь поетъ слѣпой пѣвецъ.
Онъ поетъ въ своей темницѣ,
Не на свадебной цѣвницѣ,
Но на лирѣ гробовой,
Погребальными струнами,
Надъ могильными холмами
Пѣснь болѣзни моровой.

Онъ не видитъ, но онъ слышитъ
Шопотъ скорби и молвы,
Городская почта пишетъ:
Страхъ и смерть въ стѣнахъ Москвы . . .
Сжалось сердцо у слѣпаго;
Призракъ щастія земнаго
Вдругъ разсѣялся какъ сонъ.
Какъ надежды наши ложны,
Какъ веселія ничтожны:
Шагъ одинъ — до похоронъ!

Міръ стихійный — море тлѣнья,
Въ немъ всегда гроза шумитъ,
И напрасно въ дни волненья
Кормчій сердца — разумъ, спитъ.
Время, какъ зефиръ крылатый . . .
Неимущій и богатый
У судьбы подъ молоткомъ.
Все къ концу поспѣшно мчится
И не всякому случится
Путь свой кончитъ — старикомъ.

Мы вчера умомъ летали
Кто въ Парижъ, а кто въ Царьградъ;
Тѣ въ театрѣ засѣдали,
Тотъ — скакалъ въ Кремлевскій садъ,
Тотъ — обѣдалъ въ Клубномъ домѣ,
Тотъ — гремѣлъ на тихогромѣ,
Тотъ плясалъ, тотъ пѣсни пѣлъ,
Вдругъ подъ нашимъ небосклономъ
Гробовымъ, печальнымъ звономъ
Часъ ужасный прозвенѣлъ.

Побагровѣлъ златоясный
Въ полнолуніи Сентябрь,
Отуманился нещастный,
Какъ ненастливый Ноябрь;
Все какъ черной пеленою
Страшной, мертвой тишиною
Обложилося кругомъ.
Гдѣ природы украшенье?
Такъ и мы, въ одно мгновенье
Блекнемъ смерти подъ крыломъ . . .

Все померкло, онѣмѣло
На горахъ и на рѣкахъ,
Только на полдняхъ шумѣло,
Что-то въ черныхъ облакахъ,
Что-то вѣтрами неслося,
Въ вихряхъ пламенныхъ вилося,
Слышался и свистъ, и ревъ,
Видѣлось воспламененье,
И, казалось, то явленье
Божій предвѣщало гнѣвъ.

И, казалось, распахнулся
Сводъ туманный надъ Москвой,
Самъ могучій Кремль шатнулся,
Какъ подъ бурей громовой.
Смерть надъ нимъ крыломъ махнула,
Молніей поверхъ блеснула
Вѣковыхъ его зубцовъ, —
И Москва, ушѣхъ Царица,
Вдругъ зашихла, какъ гробница
Позабытыхъ праотцовъ.

Слезы градомъ покатились
Изъ ея орлиныхъ глазъ,
Трепетно сердца забились
И вздохнули всѣ въ тотъ разъ —
Вздохомъ внутреннимъ предъ Богомъ,
Чтобъ надъ нами, въ гнѣвѣ строгомъ,
Умягчились небеса.
Буря, буря зашумѣла;
Засверкала, зазвенѣла
Смертоносная коса.

Тяжкій бичь земнаго круга
Страхъ Гангесскихъ береговъ,
Волгой шумною отъ юга,
Какъ приливъ морскихъ валовъ,
Къ намъ на Сѣверъ накатился
Надъ Москвой отяготился
Какъ въ туманахъ скрытый громъ;
Что ударъ — то часъ опасный
И уже, какъ вепрь ужасный,
Рыщетъ смерть изъ дома въ домъ.

Какъ ничтожны смертныхъ силы!
Что нашъ умъ? — Однѣ слова! —
Растворилися могилы
И трепещетъ вся Москва.
Всѣ, какъ дѣти, задрожали:
Тѣ отъ страха убѣжали,
А другіе заперлись;
Заслонилися стѣнами
И вездѣ молвы крылами
Вѣсти смерти разнеслись.

Присмирѣла радость міра,
Смолкъ пировъ народныхъ шумъ,
Смолкли пляски, смолкла лира,
Смолкло сердце, смолкъ и умъ . . .
Пусты зрѣлища, гульбища,
Только за валомъ кладбища
Праздникъ гробовой шумитъ,
Смерть пируетъ съ мертвецами,
И съ печальными сердцами
Полкъ могильщиковъ стоитъ.

Растворились Божьи храмы,
Сшелся тысячьми народъ,
Воскурились ѳиміамы,
Вышелъ клиръ и крестный ходъ:
Впереди хоругви вѣютъ,
Всѣ идутъ, благоговѣютъ,
Какъ смиренные рабы,
За Святыми образами,
Заливаяся слезами,
Съ чувствомъ внутренней мольбы.

Всякой пастырь паству водитъ,
Крестъ нося передъ собой,
Всякой свой приходъ обходитъ
И кропитъ Святой водой;
Тамъ встрѣчаются иконы,
Тамъ лобзанье, тамъ поклоны,
Тамъ пылаетъ ѳиміамъ,
Тамъ гремитъ святое пѣнье —
И Москва, на то мгновенье,
Превратилась въ Божій храмъ.

Царь небесный! — Всѣ взываютъ:
„Защити насъ въ злые дни; —
Вѣтры смертность навѣваютъ; —
Царь небесный! сохрани! —
Удержи десницу мщенья,
Просятъ грѣшники прощенья,
Пощади Свою въ насъ кровь,
Пощади Свое созданье,
Преклонися на рыданье,
Мы всѣ грѣхъ, но Ты — любовь!“

О событіе святое,
Небывалое въ вѣкахъ!
Для исторіи златое
Отразись на облакахъ;
Пронесись въ грядущи роды
Пусть читаютъ всѣ народы,
Всѣ страны, всѣ времена,
Что подъ гнѣвнымъ неба сводомъ
Съ вѣрой въ Бога, крестнымъ ходомъ
Въ часъ Москва обойдена.

Царь-Отецъ Самъ пріѣзжаетъ
Съ нами страхъ и трудъ дѣлить,
Самъ вездѣ распоряжаетъ
И готовъ, на всѣхъ, пролить
Милостей возможныхъ море,
Чтобъ утѣшить въ общемъ горѣ
Страждущихъ дѣтей Своихъ,
Положить скорбямъ предѣлы,
Притупить заразы стрѣлы
И спасти Москву отъ нихъ.

„Не щадите, слыша стоны,
„Золотой Моей казны,
„Въ помощь дѣтямъ милліоны
„Отъ Меня обречены.“
Говоритъ такъ Царь боярамъ:
„Съ вами подъ однимъ ударомъ
„Въ дни нещастья и смертей
„Царь вашъ будетъ Самъ трудиться;
„Онъ Отецъ — и не боится
„Ограждать Своихъ дѣтей.

Есть въ Исторіи примѣры
Смѣлыхъ и великихъ дѣлъ,
Но такой любви и вѣры
Самъ Аврелій не имѣлъ,
Цесарь бури подъ крылами
Плылъ на лодкѣ межъ валами,
Не боясь морскихъ глубинъ,
Былъ великъ на полѣ крови,
Но на поприщѣ любови
Первый НИКОЛАЙ одинъ!

Помоги Царю земному,
Царь Небесный, заградить
Всѣ пути дракону злому,
Чтобъ не могъ онъ намъ вредить;
Сдунь съ лица земли холеру,
Зри Москвы нещастной вѣру,
Ужасъ, стонъ и пощади;
Дай отраду оскорбленнымъ,
И успѣхомъ вожделеннымъ
Царской подвигъ награди!

Да блаженствуютъ народы,
Какъ въ златой, счастливый вѣкъ,
Да струятся наши годы,
Какъ струи Едемскихъ рѣкъ,
Чтобъ Россійскихъ царствъ державу,
Вѣнценосцевъ нашихъ славу
Колебать никто не могъ,
Чтобъ во всѣхъ народахъ міра
Наша прогремѣла лира:
„Разумѣйте!... съ нами Богъ!..“ —

ОКТЯБРЬ.

Зашумѣлъ Октябрь ненастный
Полдень смертностью дохнулъ,
Солнца лѣтняго лучь ясный
Въ тучахъ западныхъ уснулъ;
Мѣсяцъ томный, желтоблѣдный,
Какъ безжизненный, какъ мѣдный,
Опершись на темный лѣсъ,
Предвѣщая непогоду,
Взглядомъ мрачнымъ на природу
Сквозь туманъ взглянулъ съ небесъ.

Онъ взглянулъ — и закатился,
Съ нимъ погасъ и звѣздный сводъ;
Воздухъ отемнѣлъ, сгустился,
Вспѣнились потоки водъ,
Налетѣли, нанеслися,
Въ тучи черныя слилися
Сѣрыхъ облаковъ ряды;
Отуманились дороги,
Башни, хижины, чертоги
И гульбища и сады.

Вихрь по улицамъ крутится,
Сѣетъ пылью дождевой;
Ночь Октябрская густится
Надъ печальною Москвой;
Всколыхалися волнами
Мглы сѣдыя надъ лугами,
И въ лѣсахъ и на горахъ;
Умножается ненастье;
Умножается нещастье,
Умножается и страхъ.

Гидра Лернская — холера —
Адскій пламенный драконъ —
Какъ чудовище Химера,
Какъ страшилище Тифонъ,
Повсемѣстно страхомъ вѣетъ
Повсемѣстно смертность сѣетъ,
Повсемѣстно всѣхъ слѣдитъ,
Въ шумныхъ рынкахъ заражаетъ,
Въ богадѣльняхъ поражаетъ
И въ чертогахъ не щадитъ.

Гаснетъ въ тучахъ солнца ясность,
Гаснетъ лучь надеждѣ и въ насъ,
Умножается опасность
Каждый день и каждый часъ;
Много въ небѣ звѣздъ зашмилось,
Много пало, поразилось
И знакомыхъ и родныхъ;
Буря смерти не стихаетъ,
И вседневно прибываетъ
Счетъ умершихъ и больныхъ.

Все въ тревогѣ, все въ заботѣ,
Все въ печали, все въ трудѣ,
Нѣтъ ни одного въ дремотѣ: —
Каждый бодрствуетъ въ бѣдѣ;
И Правительство не дремлетъ,
Мѣры нужныя пріемлетъ,
Каждымъ вздохомъ дорожитъ,
Всякой страхъ предупреждаетъ,
Всякой случай наблюдаетъ,
Домъ и рынокъ сторожитъ.

Помня Царскіе наказы:
Не щадитъ трудовъ, услугъ;
Отъ губительной заразы
Сберегаетъ насъ, какъ другъ;
Успокоиваетъ духи,
Укрощаетъ злые слухи,
Чтобъ никто не трепеталъ;
Всѣхъ надеждой утѣшаетъ,
Все по плану совершаетъ,
Какъ *Царь — милость* начерталъ.

Собираются совѣты
Изъ дворянства и врачей:
Всѣ окинуты предметы
Взглядомъ опытныхъ очей, —
И нашлись благія мѣры:
Рѣшено — налетъ холеры
Отразить на всѣхъ шагахъ.
И Правительство на дѣло
Безъ боязни полетѣло
Царской воли на крылахъ.

Поставляются границы
Противъ ропотной молвы;
Открываются больницы
Въ двадцати Частяхъ Москвы;
Домы богадѣленъ частныхъ
Для сиротъ и вдовъ нещастныхъ,
Карантины за Москвой,
Рынки временныхъ базаровъ,
Сельскихъ нужныхъ намъ товаровъ
На чертѣ городовой.

Предложилось наставленье,
Чтобъ ослабшихъ подкрѣпить,
Правила предохраненья,
Чтобъ опасность удалить,
И возможность заражаться,
Съ зараженными сближаться,
Сколько льзя, отдалена:
Все придумано, что можно,
Все устроено, что должно, —
И Москва оцѣплена.

Многіе рѣшились смѣло
Жизнь и время пережить; —
Вышли на святое дѣло
Человѣчеству служить:
Тотъ больницу взялъ въ правленье,
Тотъ отраду и цѣленье
На тѣла и души льетъ;
Тотъ снабжаетъ врачевствами,
Тотъ посудой, тотъ дровами,
Тотъ запасъ столовой шлетъ.

Тѣ о страждущихъ вздыхаютъ
И забошяпся о нихъ;
Тѣ отшедшихъ поминаютъ,
Ублажаютъ память ихъ;
Тѣ сиротъ и вдовъ покоютъ,
Кровь для нихъ надежный строютъ;
Тѣ охотно подаютъ
Старикамъ осиротѣвшимъ,
Въ нуждахъ, въ горѣ посѣдѣвшимъ,
Хлѣбъ насущный и пріютъ.

Все подвиглось на услугу:
И Сенаторъ, и купецъ,
Всѣ содѣйствуютъ другъ другу
По сочувствію сердецъ;
Всѣ къ святой стремятся цѣли:
Тамъ возами шлютъ постели,
Тамъ везутъ съ бѣльемъ ларцы,
Тамъ несутся связки платья;
Дѣйствуютъ купцы какъ братья,
А дворяне какъ отцы.

Разомкнулись кладовыя:
Бьютъ ключи богатствъ земныхъ,
Какъ потоки дождевыя,
Для сиротъ и для больныхъ;
Сыплетъ золото дворянство,
Духовенство и гражданство,
Сыплетъ щедрою рукой;
Все, что должно для болящихъ,
Все, что нужно для скорбящихъ,
Льется полною рѣкой.

Слава и благодаренье
Мудрому Царю-Отцу !
Мужество , благотворенье
Сродны Царскому вѣнцу : —
Нашъ Отецъ не опасался ,
Самъ Москвою занимался ,
Всѣхъ хотѣлъ спасти , какъ Богъ :
И болѣзней прекращенью ,
Тяжкой скорби къ облегченью ,
Сдѣлалъ все , что только могъ.

И Правительство , какъ друга ,
Мы почтимъ похвалъ вѣнцомъ :
Не забудется услуга
Вѣрныхъ чадъ Царемъ-Отцомъ.
Каждый званью соразмѣрно ,
И безтрепетно и вѣрно
Путь проходитъ гробовой ;
А Голицынъ строгимъ бдѣньемъ ,
Повсемѣстнымъ наблюденьемъ ,
Какъ безсмѣнный часовой.

Слышу звукъ громовъ словесныхъ :
Вдохновенный Филаретъ —
Отъ источниковъ небесныхъ
Черпая ученья свѣтъ —
Какъ духовный воевода ,
Духи цѣлаго народа
Успокоивъ говоритъ :
„Какъ Отецъ , насъ Богъ караетъ ;
„И тому , кто умираетъ
„Онъ изъ зла добро творитъ.

„Предадимся Провидѣнью,
„Страхъ надеждой побѣдимъ,
„И слѣпому заблужденью
„Вѣры нашей не дадимъ;
„Не по времени ненастья,
„Не по случаю нещастья,
„Но по слову тѣхъ судовъ,
„Отъ которыхъ подъ луною
„Много моромъ и войною,
„Много пало городовъ.

„Смертному хотя и трудно
„Судъ небесный постигать,
„Но не будемъ безразсудно
„Божью мудрость отвергать.
„Сердце знаетъ, что надъ нами,
„Казни временной крылами,
„Гнѣвъ отеческій шумитъ;
„И не грѣхъ сказать, что нынѣ
„Въ цѣлой нашей палестинѣ
„Время гнѣва настоитъ.

„Не суди событій ложно,
„Умъ земной, по своему:
„Общій судъ изречь возможно
„Богу только одному;
„Не случайно мы родились,
„Не случайно засвѣтились
„Солнце, звѣзды и луна;
„И гроза, которой громы,
„Сыплются на наши домы,
„Къ намъ отъ Бога послана.

„Безъ Него и вѣтръ не дышетъ,
„Не колыхнетъ и вода;
„Огнь изъ сердца горъ не пышетъ;
„Не тягчитъ земли бѣда.
„Все, что смертныхъ ужасаетъ;
„Бунтъ ли царство сотрясаетъ,
„Голодъ ли людей томитъ,
„Туча ль блещетъ громовая,
„Язва ль стонетъ моровая? —
„Божій гнѣвъ во всемъ гремитъ!

„Обратимся къ покаянью,
„Сотворимъ любви дѣла —
„И стихійному вліянью
„Не подвергнутся тѣла;
„Отречемся ложной славы,
„Потрудимся — злые нравы
„На благіе премѣнитъ;
„Къ вѣрѣ подвиги приложимъ,
„И Царю-Отцу поможемъ
„Насъ отъ смерти охранить.“

Зрю сердечными глазами: —
Въ многочисленныхъ толпахъ
Съ умиленіемъ, съ слезами,
Съ вретищемъ на раменахъ,
Съ духомъ кропкимъ и смиреннымъ,
Вздохомъ сердца раствореннымъ,
Храма Божьяго подъ сѣнь
Движется народъ, какъ волны,
И вседневно храмы полны,
Какъ въ Великій Свѣтлый день.

Вижу, — всѣ благоговѣютъ,
Вѣрой пламенной горятъ,
Всѣ смиряются, говѣютъ,
Всѣ раскаяньемъ кипятъ,
Ограждаются пощеньемъ,
Божьихъ Таинъ пріобщеньемъ
Чтобъ Богъ — силъ, какъ *Богъ — любовь*
Съ родомъ смертныхъ примиренный,
Пощадилъ народъ смиренный
И послалъ спокойство вновь.

Чтобъ и вопль услышалъ вѣры,
Гнѣвъ на милость премѣнилъ,
И Правительства всѣ мѣры,
Какъ Отецъ благословилъ:
Ниспослалъ и намъ терпѣнье
Далъ возможность и умѣнье
Съ гибельныхъ путей сойтить;
Положить страстямъ границы
Гнѣвъ небесный отъ столицы
Покаяньемъ отвратить.

Вѣрю! — Богъ увидитъ слезы:
Онъ любовь; Онъ защититъ!
Двигнетъ съ Сѣвера морозы,
Вѣтеръ южный укротитъ, —
И болѣзни прекратятся;
Дни златые возвратятся,
Новая весна придетъ:
Недалекъ отъ насъ Предвѣчный
Нуженъ только вздохъ сердечный,
И Москва вновь зацвѣтетъ.

НОЯБРЬ.

Плыветъ по небесамъ туманнымъ
Ноябрь угрюмый надъ Москвой,
Подъ парусомъ, изъ мглы сотканнымъ,
На тучѣ мрачной, дождевой —
Плыветъ какъ темная комета,
Безъ радости и безъ разсвѣта
Окутанъ весь въ земныхъ парахъ, —
И полпути уже проходитъ!
Но солнце зимнее не всходитъ
Все тотъ же мракъ, — все тотъ же страхъ.

Онъ въ полпути, но мгла сѣдая
Нашъ небосклонъ еще темнитъ;
Еще въ немъ дремлетъ ночь густая,
Надгробный плачь и стонъ шумитъ;
Еще съ полудня смертность вѣетъ,
Летаютъ тучи, дождикъ сѣетъ,
Ручьи по мостовымъ журчатъ,
Повозки съ мертвыми тѣлами,
Глубокой ночи подъ крылами,
Еще по улицамъ стучатъ.

Не кончилось Москвы страданье,
Не кончился и стонъ сердецъ,
Не прекратилося рыданье;
Не наступилъ бѣдамъ конецъ:
Еще на насъ смерть адомъ дышетъ,
Несчастныхъ приговоры пишетъ
И рыщетъ волкомъ по домамъ;
Оброкъ могильный съ насъ сбираетъ,
Безъ сожалѣнья насъ караетъ
И нѣтъ помилованья намъ.

Еще, еще гнѣвъ Божій длится
И громъ гремитъ судовъ благихъ;
Какъ раскаленный уголь дымится
Въ стѣнахъ Москвы — и въ насъ самихъ,
И въ вѣтрахъ, отъ полденъ парящихъ,
И въ тучахъ, и въ дождяхъ шумящихъ,
И въ мрачномъ воздухѣ гниломъ,
И въ мглахъ, и въ сумракахъ росистыхъ,
Въ рѣкахъ и озерахъ струистыхъ,
И въ испареніи земномъ.

Все, все, что могутъ умъ и сила
Все сдѣлано отъ нихъ для насъ;
Но вѣчно-гладная могила
Рукою ихъ не заперлась:
И весь народъ смутился страхомъ,
Главы свои посыпалъ прахомъ,
Одежды на себѣ раздралъ;
Всѣмъ сердцемъ къ Богу обратился,
Слезой смиренья окропился
И съ вѣрою предъ Нимъ упалъ.

Упалъ — и какъ телецъ смиренный
Подъ гнѣвомъ Божескимъ лежалъ,
Какъ подъ топоръ приговоренный
Одну могилу воображалъ;
И оковавшись весь молчаньемъ
Какъ предпослѣднимъ издыханьемъ,
Изъ глубины души вздохнулъ —
И вздохъ души съ земнаго дола
Взвился до Божьяго престола
И лучь любви — надъ нимъ блеснулъ!

Блеснулъ — и вдругъ воспламенился
Печальный вечеръ надъ Москвой,
Угрюмый сумракъ прояснился,
Не стало пыли дождевой.
Заря вечерняя зажглася,
По небосклону разлилася,
Засеребрился горный ключь;
И тихо начали свиваться,
Отъ небосклона подыматься,
Завѣсы мглы и черныхъ тучь.

И мѣсяцъ полный, серебристый,
Какъ богатырскій древній щитъ,
На звѣздный сводъ, спокойный, чистый,
Изъ черныхъ облаковъ катитъ; —
Осеребряетъ сумракъ нощи,
Москву, долины, горы, рощи
И мутную поверхность водъ,
Сердца и души освѣщаетъ,
Москвѣ печальной возвѣщаетъ
Желаемой зимы приходъ.

Разутрилось во всей природѣ ;
День полнолунія насталъ ;
И звѣздный царь въ небесномъ сводѣ
Лучемъ огнистымъ возблисталъ ; —
Идетъ зима , какъ лунь сѣдая ,
За ней мететъ , метель густая ,
Бореи свищутъ по слѣдамъ ;
Морозъ холоднымъ вздохомъ дышетъ ,
На стеклахъ лѣсъ и горы пишетъ
И льды мостятся по водамъ.

Легли дороги снѣговыя ,
Деревья иней опушилъ ,
И смерти стрѣлы огневыя
Полночный вѣтеръ потушилъ.
Ослабли крылья у Холеры :
Смиреніе и вопли вѣры
И мразомъ вѣющій борей
У смерти отняли пол-силы
И затворилось пол-могилы
Могуществомъ Царя Царей.

Гнѣвъ Божій началъ утишаться ;
Смиренье плодъ свой принесло :
Вседневно стало уменьшаться
Умершихъ и больныхъ число.
Откуда радость ни взялася ,
Подобно морю разлилася
По всѣмъ сердцамъ , по всѣмъ домамъ :
Хотя коса еще сверкаетъ ,
Но день спасенія мелькаетъ
И милость Божья сходитъ къ намъ.

Надежды лучь животворящій
И Божья вѣчная любовь,
Спокоили народъ скорбящій,
И жизни мысль зажглася вновь:
Все встрепенулось, отродилось,
Къ желаньямъ жизни обратилось,
Вездѣ ворота отперлись,
Вездѣ пѣснь мира прозвучала,
И вѣсти добраго начала
По всей столицѣ разнеслись.

Падетъ предъ Богомъ на колѣни
Спасенья чающій народъ, —
И видя страхъ могильной сѣни,
И помня темный переходъ
Въ міръ вѣчный — смертнымъ неизвѣстный —
Онъ молится какъ безтѣлесный,
Весь благодарностью горитъ;
И съ Богомъ, какъ съ Отцемъ небеснымъ,
Не мертвымъ языкомъ, тѣлеснымъ,
Но вздохомъ сердца говоритъ:

Отецъ! — склони Твой слухъ къ моленью
Тобой наказанныхъ рабовъ!
Поработясь грѣху и тлѣнью
Мы жертвы смерти и гробовъ;
Но Ты, какъ Царь — нашъ Воскреситель,
Будь погибающимъ Спаситель,
Мольбу сердечную внуши,
И радостной зари сіянье,
Твоей щедроты изліянье,
Разсѣятомъ скорымъ доверши.

ДЕКАБРЬ.

Катитъ Декабрь лазурнымъ сводомъ,
Какъ радость сердца и очей;
Разсѣялась его восходомъ
Угрюмость сумрачныхъ ночей;
Летятъ снѣга, — морозы вѣютъ,
На рощахъ жемчуги яснѣютъ,
Алмазы въ улицахъ блестятъ;
Свѣтлѣютъ зданья хрусталями,
Визжатъ дороги подъ санями
И подъ стопой снѣга хрустятъ.

Услышалась мольба народа;
Услышанъ вздохъ *Царя — Отца*;
Помолодѣла вся природа,
Помолодѣли и сердца.
Изчезли страшныя явленья;
Надгробныя утихли пѣнья;
Вранъ черный пересталъ кричать;
Погасло смерти пожарище,
И перестали на кладбищѣ
Кирки и заступы стучать.

Промчалась туча громовая;
Полдневныхъ вѣтровъ шумъ утихъ;
Холера — язва моровая —
Лишилася когтей своихъ;
И вмѣстѣ съ тучами и мглами,
Зимы косматыми крылами
Въ бездонный адъ унесена;
Откуда къ намъ, какъ темный геній,
Для наказанья преступленій
Глаголомъ Божьимъ возвана.

Богъ надъ Москвой — и нѣтъ холеры.
Сперлося адское жерло;
Смиреніе сердечной вѣры
Силъ темныхъ власть превозмогло;
У смерти косу преломило,
На милосердіе склонило
И Божій гнѣвъ и Божій судъ.
Сошло съ небесъ благословенье,
Снесло съ собою утѣшенье
И Царскій наградился трудъ.

И трудъ Начальства равномѣрно
Желанный наградилъ успѣхъ:
И всѣ его дѣянья вѣрно
Въ сердцахъ напишутся у всѣхъ.
Хвала Царю! — Хвала Дворянству!
Миръ Духовенству! миръ Гражданству!
Утихли ропотъ и молва,
Утихли черни злые слухи,
Спокоились умы и духи
И успокоилась Москва.

Вездѣ день радости сіяетъ,
И Самъ *надежа* - ГОСУДАРЬ
Восторгъ народный раздѣляетъ,
Какъ вѣка золотаго Царь.
Хвала Святому Провидѣнью!
Открылся путь къ освобожденью,
Смягченъ гнѣвъ Божескихъ судовъ:
И въ день Святаго Николая,
Снялася цѣпь сторожевая
Съ Царицы Русскихъ городовъ.

И двинулись подъ зимнимъ небомъ
Дорогой гладкой, снѣговой,
Степные къ намъ обозы съ хлѣбомъ;
И снова начались съ Москвой
Украйны золотой сношенья;
Пошли торги безъ повышенья,
Свободно стали продавать
Хозяйства сельскаго избытки;
Вознаградилися убытки
И бѣдный — пересталъ вздыхать.

Спѣшитъ подъ вьюгой, подъ снѣгами,
Спѣшитъ въ Москву изъ деревень
Мастеровой народъ толпами;
Густятся рынки каждый день,
Распространяются базары,
И снова лавки и анбары
Безъ страха отперлись для всѣхъ;
Работой занялися руки;
Какъ прежде — разцвѣли науки,
И отворился храмъ утѣхъ.

Опять все блещетъ, какъ весною,
Опять восторгомъ дышетъ духъ,
Опять міръ обнятъ тишиною,
Опять утѣшенъ взоръ и слухъ;
Опять къ трудамъ всѣ обратились,
Опять всѣ домы освѣтились,
Опять Москва утѣхъ полна,
Опять цвѣтетъ душа народа,
Опять дана сердцамъ свобода,
И — льется радость, какъ волна!

Гремитъ, гремитъ благодаренье
Царю Царей по всѣмъ церквамъ;
Все облекается въ смиренье,
И все падетъ къ Его стопамъ:
Отъ шалаша и до чертога
Все громогласно славитъ Бога;
Гремятъ хвалы Царю-Отцу
За мудрыя распоряженья:
Желаютъ жизни продолженья
Какъ *Вѣнценосцу - Мудрецу*.

Отецъ - любовь! Твоя десница
Москву спокойствомъ вновь даритъ,
И вся Москва, утѣхъ царица,
Царя-Отца благодаритъ
Какъ другъ людей щедролюбивый
Ты въ случай страшный, нещастливый
На вдовъ и на сиротъ воззрѣлъ:
Однихъ покровомъ успокоилъ,
Другихъ въ училища пристроилъ
И положилъ слезамъ предѣлъ.

Твои побѣды славны, громки,
Вездѣ молва гремитъ о нихъ,
И рода поздняго потомки
Воздвигнутъ памятникъ въ честь ихъ.
Не смолкнетъ громъ ихъ въ ратномъ полѣ; —
Но будешъ жить любовью долѣ
Твоей исторіи въ листахъ;
Тебѣ вездѣ вѣнцы совьются
Твои щедроты разольются
Во всѣхъ вѣкахъ, во всѣхъ мѣстахъ.

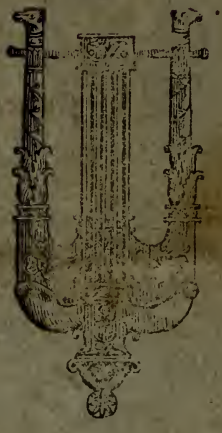
Граждане! братья, христіане!
Пройдя ужасный путь смертей,
Еще ль пороковъ въ океанѣ
Подъ парусами злыхъ страстей
Мы будемъ плавать, какъ слѣпые?
Еще ли прелести земныя
Нашъ разумъ будутъ затмѣвать,
И нравы наши развращая
Минутной сладостью прельщая
Ядъ смерти намъ въ сердца вливать?

Еще ли будемъ мы гордиться,
Нещастливыхъ пренебрегать,
Несправедливо богатиться,
И правосудьемъ торговать;
Коварствомъ унижать законы,
Надѣяться на милліоны,
Жаждать похвалъ, алкать честей,
Не уважать святою дружбой,
Не дорожить законной службой;
Роптать противъ земныхъ властей?

Пора, пора намъ вразумиться,
Что Божій судъ постигнулъ насъ,
Что рабъ грѣха — грѣхомъ казнится;
Что страшенъ, страшенъ казни часъ,
Что мы грѣхами оковались,
Прельстились, очаровались
Призраками земныхъ утѣхъ;
Что время намъ себя умѣрить,
Взглянуть, увидѣть и повѣрить
Что корень всѣхъ болѣзней — грѣхъ.

О братья! обратимся къ Богу
И для блаженства своего
Поставимъ твердо нашу ногу
На праведныхъ путяхъ Его.
Оставимъ буйный путь разврата;
Щедрота Божія богата,
Самъ Богъ не далеко отъ насъ;
Замѣтимъ, — быстро жизнь несется
И мало время остается, —
И не далекъ ужасный часъ!

Н. М. Шатровъ.



LIBRARY OF CONGRESS
00025294634